

Таинства и тайнодѣйствія

(Sacramenta et Sacramentalia)

1. Школьное догматическое богословіе содержитъ три основныхъ положенія ученія о таинствахъ. Первымъ, наиболѣе важнымъ является опредѣленіе самого таинства: «Таинство есть священное дѣйствіе, которое, подъ видимымъ образомъ, сообщаетъ душѣ вѣрующаго невидимую благодать Божию, будучи установлено Господомъ нашимъ, чрезъ Котораго всякій изъ вѣрующихъ получаетъ божественную благодать»¹⁾. Такого рода священнодѣйствій имѣется семь, причѣмъ «ни менѣе, ни болѣе сего числа таинствъ въ Церкви не имѣемъ»²⁾. Наконецъ, третье: это число состоитъ изъ таинствъ крещенія, муропомазанія, причащенія, покаянія, священства, брака и елеосвященія. Если эти положенія о таинствахъ являются исчерпывающими, а таковыми они мыслятся въ школьномъ богословіи, то изъ нихъ явствуетъ, что дѣйствіе благодати Божьей въ Церкви ограничено этими священнодѣйствіями, а слѣдовательно всѣ остальные священнодѣйствія не имѣютъ благодатнаго характера, т. е. не сообщаютъ вѣрующимъ благодатныхъ даровъ. Благодатная жизнь Церкви оказывается очень ограниченной: только въ семи моментахъ — «ни больше, ни меньше» — проявляется благодать Божія, а внѣ этихъ моментовъ церковная жизнь оказывается внѣ прямого дѣйствія Духа Св., черезъ Котораго подаются дары благодати. Хотя общее церковное сознаніе усвоило этотъ выводъ изъ ученія о таинствахъ, что неизбѣжно сказалося на самой церковной жизни, догматическая мысль бьется въ тискахъ этого ученія. Въ той или иной мѣрѣ современная догматическая мысль чувствуетъ, что оно находится въ скрытомъ противорѣчій съ ученіемъ о Церкви, съ самой церковной жизнью, не только древняго христіанства, но даже современной. «И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излию отъ Духа Моего на всякую плоть...» (Дѣян. II, 17). Основа жизни Церкви есть благодать: все, что въ ней совершается, имѣетъ благодатный характеръ, а все, что не имѣетъ этого характера, ей, какъ благодатному организму, не принадлежитъ. Мы всѣ получили «благодать на благодать», которую Богъ даетъ не мѣрою. «Каждому дается проявленіе Духа на пользу» (I Кор. XII, 7). Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и таинства — проявленія Духа въ Церкви, но почему эти проявленія Духа ограничены семью моментами? Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, но если имѣется только семь проявленій Его, то Онъ не дышитъ, гдѣ хочетъ, а только тамъ, гдѣ опредѣлено.

2. Чувствуя недостаточность ученія о таинствахъ, современная

догматическая мысль пытается выйти изъ школьнаго опредѣленія природы таинствъ. Число семь больше не признается окончательнымъ — «ни болѣе, ни менѣе». Современная богословская мысль рѣшительно отказывается признать, что ими исчерпывается благодатный характеръ священнодѣйствій въ Церкви. «Необходимо напомнить, писалъ о. Сергій Булгаковъ, что число семи не имѣетъ окончательнаго характера, т. к. число таинодѣйствій (*sacramentalia*) гораздо болѣе значительно. Наприм., имѣется много освященій (храма, святой воды, особенно на день Богоявленія, затѣмъ хлѣба, всякаго рода плодовъ); нѣкогда отпѣваніе и монашеское постриженіе рассматривались, какъ таинства. Всѣ эти послѣдованія, такъ же какъ многія другія, наприм., освященіе креста и иконъ, не отличаются отъ «семи таинствъ» въ томъ, что касается ихъ активной силы, т. к. они также сообщаютъ благодать Духа Святаго, если соблюдены нѣкоторыя внѣшнія формы. «Семь таинствъ» являются только наиболѣе значительными проявленіями sacramentalной власти, присущей Церкви»³). Этотъ sacramentalный характеръ о. С. Б. распространяетъ на всѣ акты церковныхъ священнодѣйствій, но не ограничивая и ими дѣйствія Духа.

Однако, это количественное распространеніе таинствъ далеко не рѣшаетъ вопроса о ихъ природѣ. Такъ или иначе число семь принято церковнымъ сознаниемъ. Въ правѣ ли мы, вводя на ряду съ понятіемъ «*sacramenta*» понятіе «*sacramentalia*», различать ихъ между собою по значительности проявленія sacramentalной власти Церкви? Какъ понимать значительность проявленія sacramentalной власти? Если это означаетъ, что въ однихъ случаяхъ сообщается большая благодать, а въ другихъ меньшая, то не преступаемъ ли мы того, что намъ дано? Богъ даетъ благодать не мѣрою, а мы ее измѣряемъ. Если это не такъ, то въ чемъ именно выражается значительность таинствъ? Оставаясь при числѣ семи, не урѣзываемъ ли мы, какъ было показано, дѣйствія Духа въ Церкви? Распространяя это число и включая въ него всѣ таинодѣйствія, не рискуемъ ли мы свести на нѣтъ различіе между тѣми моментами, которые выдвинуло церковное сознаніе между всѣми остальными священнодѣйствіями, и тѣмъ самымъ потерять въ значительной степени само понятіе таинства? Такова какъ-будто дилемма, которая стоитъ передъ нами.

3. О. Сергій Булгаковъ усматривалъ одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ таинствъ въ томъ, что въ нихъ соединяется видимая сторона съ невидимой, внѣшняя форма съ внутреннимъ содержаніемъ. Въ этомъ онъ всецѣло слѣдовалъ М. Макарію, который показывалъ это соединеніе видимаго и невидимаго для каждаго таинства въ отдѣльности. Это несомнѣнно вѣрно. Безспорно, что каждое таинство имѣетъ свою внѣшнюю форму, которая не есть нѣчто случайное, что могло быть и могло не быть, но входитъ въ самую природу таинствъ. Безформеннаго таинства быть не можетъ, т. к. по своей природѣ нѣчто безформенное не можетъ быть священнодѣйствіемъ. Таинство крещенія безъ погруженія въ воду перестаетъ быть таинствомъ, такъ же какъ священство безъ возложенія рукъ съ молитвеннымъ призывомъ не есть таинство. Мы вѣруемъ, что «Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть

дѣтей Аврааму» (Лука, III, 8). Богъ можетъ дать дары Духа помимо священнодѣйствія, но таинство обязательно заключаетъ въ себѣ священнодѣйствіе. Видимый, установленный Церковью, знакъ заключаетъ въ себѣ невидимое, что составляетъ сущность таинства. Тѣмъ не менѣе мы въ правѣ спросить, является ли соединеніе невидимаго и видимаго въ таинствѣ существенною его особенностью, отличающею его отъ остальныхъ церковныхъ актовъ? Если мы признаемъ на ряду съ таинствами еще рядъ сакраментальныхъ актовъ, то и въ нихъ также мы обязательно найдемъ соединеніе видимаго и невидимаго. Въ освященіи крещенской воды невидимое заключено въ видимомъ, какъ и въ самомъ таинствѣ крещенія. Этого мало. Все въ Церкви есть соединеніе видимаго и невидимаго. Если бы въ Церкви было нѣчто только видимое безъ соединенія съ невидимымъ, то это означало бы существованіе въ Церкви самостоятельной эмпирической природы. Сама Церковь есть соединеніе видимаго и невидимаго. Въ Евхаристическомъ собраніи видимымъ образомъ выявляется вся полнота — невидимая — Церкви. Я уже имѣлъ случай указывать, что невидимая Церковь выражается полностью въ видимой, а видимая содержитъ невидимую⁴). Признавая правильнымъ, что въ таинствѣ всегда видимая сторона заключаетъ невидимое содержаніе, мы не можемъ разсматривать это свойство, какъ исключительно принадлежащее таинствамъ. Это есть свойство Церкви, а потому и всего, что въ ней совершается.

4. М. Макарій считалъ таинствами только тѣ священнодѣйствія, соединяющія видимую форму съ невидимымъ содержаніемъ, которыя установлены Господомъ. О. С. Булгаковъ долженъ былъ внести сюда нѣкоторую поправку. Онъ признавалъ, что среди таинствъ надо различать «евангельскія таинства» — крещеніе и Евхаристию отъ остальныхъ таинствъ. Послѣднія установлены не Христомъ, а Церковью на основаніи того, что содержится въ Писаніи⁵). Положеніе М. Макарія недоказуемо, и всякая попытка показать, что всѣ семь таинствъ установлены непосредственно Христомъ, заранѣе обречена на неудачу. Прежде всего потому, что первоначальная Церковь не содержала въ раскрытомъ видѣ ученія о таинствахъ, а затѣмъ мы не имѣемъ никакой возможности доказать существованіе въ апостольское время таинства брака и елеосвященія въ томъ видѣ, въ какомъ они опредѣлились позднѣе. Тѣмъ не менѣе, положеніе М. Макарія болѣе приемлемо безъ поправки о. С. Б. Христосъ установилъ не таинства, а установилъ Церковь. Церковь, основанная Христомъ, не была пустой формой, которая впоследствии заполнилась тѣмъ или инымъ содержаніемъ, а потому нѣтъ надобности доказывать, что часть изъ того, что въ ней возникло, имѣетъ непосредственное или посредственное отношеніе къ словамъ Христа, а другое на нихъ не основано. Это все равно, что доказывать, признавая сотвореніе челоуѣка Богомъ, сотвореніе Имъ частей челоуѣческаго тѣла. Церковь установлена во всей своей полнотѣ и заключала въ себѣ все то, что въ ней раскрылось. Все, что въ Церкви существуетъ, основано на волѣ Божьей, открытой въ Церкви и Церкви, все въ конечномъ счетѣ установлено Богомъ, т. к. то, что не имѣетъ основанія въ волѣ Божьей, Церкви не принадлежитъ. На этомъ осно-

ваніи было бы слишком поспѣшно и слишком рискованно дѣлать заключеніе, что все, что въ ней существуетъ, установлено Богомъ. Прежде, чѣмъ это утверждать, надо было бы предварительно доказать, что все, что въ ней накопилось въ теченіи ея историческаго бытія, дѣйствительно установлено Церковью въ соотвѣтствіи съ волей Божіей. Въ исторической жизни въ Церковь врывалась часто воля человѣческая, какъ извнутри, такъ и извнѣ.

Истинно-церковно только то, что несетъ въ себѣ самой Церковь и что ею установлено по откровенію воли Божьей. Когда Христосъ установилъ Церковь на Тайной Вечери, то тѣмъ самымъ Онъ установилъ и таинства. Если бы у насъ даже не было никакихъ историческихъ данныхъ относительно апостольскаго времени, то мы могли бы съ максимальной увѣренностью утверждать, что каждая основанная апостолами Церковь включала въ себѣ таинства. Тамъ, гдѣ имѣлось Евхаристическое собраніе, а безъ него нѣтъ Церкви, тамъ совершались таинства приѣма въ Церковь, поставленія и покаянія. Таинства неотдѣлимы отъ Церкви, и они установлены Богомъ, какъ установлена Имъ Церковь. Однако, это свойство принадлежитъ всему, что содержитъ въ себѣ Церковь, а не только таинствамъ. Если тайнодѣйствія (*sacramentalia*) являются подлинно-церковными, то и они въ Церкви установлены Богомъ. Если они не установлены Богомъ, а человѣческой волей, какова бы она ни была, они не являются церковными, они не принадлежатъ Церкви и выходятъ за ея границы. Исповѣдуя, какъ непреложную истину, установленіе таинствъ Господомъ, мы этимъ еще не отдѣляемъ таинствъ отъ тайнодѣйствій и отъ всего, что подлинно-церковно въ самой Церкви.

5. По утвержденію догматическаго богословія таинства, какъ мы уже видѣли, являются священнодѣйствіями, черезъ которыя подаются дары Св. Духа. Можемъ ли мы утверждать, что таинство всегда совершается, т. е. дары Духа ниспосылаются, когда совершенно установленное священнодѣйствіе полномочнымъ лицомъ? Если католическая Церковь вступила на этотъ путь, то православная Церковь такого ученія не знаетъ. Таинство можетъ не совершиться, несмотря на то, что совершилось священнодѣйствіе, т. е. видимая форма можетъ оказаться безъ невидимаго содержанія. Съ теченіемъ времени въ Церкви выработались условія возможности совершенія каждаго таинства. Само существованіе правилъ совершенія таинствъ указываетъ, что въ Церкви ставится вопросъ о дѣйствительности таинствъ. Священнодѣйствіе, совершенное съ исполненіемъ всѣхъ условій, разсматривается, какъ канонически дѣйствительное. Эти условія относятся не только къ священнодѣйствію, но и къ лицу, надъ которымъ оно совершается. Однако, каноническая дѣйствительность, не покрываетъ всецѣло вопроса о дѣйствительности таинствъ. Мы знаемъ изъ исторіи Церкви, что священнодѣйствіе таинства, правильное съ точки зрѣнія его канонической дѣйствительности, можетъ быть отвергнуто Церковью, какъ таинство, а съ другой стороны, священнодѣйствіе, канонически недѣйствительное, т. к. не всѣ правила были выполнены, можетъ быть признано Церковью, какъ таинство. Мы больше всего имѣемъ свѣдѣній относительно таинствъ

приема въ Церковь и поставленія. Каноническія правила категорически требуютъ, чтобы поставленія совершались въ церковномъ собраніи, явно и открыто для всѣхъ, тѣмъ не менѣе при извѣстныхъ обстоятельствахъ церковной жизни тайное поставленіе можетъ быть признано, какъ благодатное таинство, несмотря на его каноническую недѣйствительность. Поставленія двоборачныхъ признаются канонически недѣйствительными, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Церковь признавала такія поставленія⁶). Если бы каноническая дѣйствительность или недѣйствительность покрывала совершенно вопросъ о дѣйствительности таинствъ, то подобнаго рода случаи были бы невозможны. Таинство, совершенное съ соблюденіемъ всѣхъ каноническихъ правилъ, должно было быть признаваемо всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ дѣйствительнымъ, а канонически неправильное — недѣйствительнымъ. Если этого всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ не наблюдается, то это потому, что каноническая дѣйствительность есть только презумпція дѣйствительности таинствъ. Она только предполагаетъ, что видимая сторона, правильно совершенная, влечетъ за собою обычно внутреннее содержаніе. Таинство подлинно дѣйствительно, когда въ немъ сообщается благодать Духа, ради которой совершается таинство. Наряду съ канонической дѣйствительностью имѣется благодатная дѣйствительность. По отношенію къ этой послѣдней каноническая дѣйствительность имѣетъ только инструментальное значеніе, но она не рѣшаетъ вопроса объ его благодатной дѣйствительности. Признавая или отвергая канонически правильное или канонически неправильное таинство, Церковь свидѣлствуетъ объ его благодатной дѣйствительности или недѣйствительности. Это происходитъ не въ силу желанія или нежеланія церковнаго народа или его предстоятелей, не въ порядкѣ диспенсаціи существующихъ каноническихъ правилъ со стороны церковной власти, а проистекаетъ изъ констатированія самого факта ниспосланія Богомъ благодатныхъ даровъ. Каноническія правила остаются правилами, но они при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ отдѣльномъ случаѣ становятся излишними, если помимо ихъ достигнуто въ священнодѣйствіи то, ради чего совершается таинство. Передъ фактомъ ниспосланія благодатныхъ даровъ отпадаетъ все остальное.

6. Вопросъ о благодатной дѣйствительности таинствъ, который не можетъ быть элиминированъ въ настоящее время, указываетъ, что священнодѣйствіе не исчерпываетъ всей сущности таинства. Поэтому опредѣленіе таинства, какъ священнодѣйствія, является неполнымъ. Священнодѣйствіе составляетъ только одинъ моментъ таинства, именно тотъ, черезъ который и въ которомъ Церковь испрашиваетъ о ниспосланіи благодатныхъ даровъ. Само по себѣ оно не составляетъ таинства безъ признанія его благодатной дѣйствительности. Оно является таинствомъ, если въ немъ преподаны дары Духа, но оно не можетъ быть таинствомъ, если этихъ даровъ нѣтъ. Признаніе Церковью совершеннаго священнодѣйствія составляетъ второй моментъ, не менѣе важный, чѣмъ первый. Въ богословской наукѣ имѣется специальный терминъ для этого признанія—рецепція. Этотъ терминъ можетъ быть принятъ, если изъ него исключить какой бы то ни было правовой моментъ. Совер-

священное священнодѣйствіе должно быть рецепировано Церковью, какъ благодатное. Рецепція совершеннаго священнодѣйствія есть ея свидѣтельство о ниспосланіи благодатныхъ даровъ, а не выявленіе чело-вѣческой воли въ Церкви. Рецепируя или отвергая совершенное свя-щеннодѣйствіе, Церковь дѣйствуетъ не въ правовомъ порядкѣ, подобно тому, какъ представительныя учрежденія принимаютъ или отвергаютъ предложенный имъ проектъ закона. Въ благодатномъ порядкѣ Церковь черезъ откровеніе Духа свидѣтельствуеетъ о благодатномъ фактѣ ниспосланія даровъ, о которыхъ она сама молится въ священнодѣйствіи. Роль рецепции въ церковной жизни первоначальнаго и древняго хри-стіанства была исключительно большой. Упуская изъ вида этотъ фак-торъ или недооцѣнивая его, мы многое не поймемъ въ современномъ устройствѣ нашей жизни. Значеніе рецепции при поставленіяхъ, осо-бенно при поставленіи епископа, общезвѣстно. Литургическіе слѣды ея сохранились и до нашихъ дней. Не менѣе значительно значеніе ре-цепции и въ таинствѣ приѣма въ Церковь, покаянія и брака. За совер-шеніемъ таинствъ крещенія и миропомазанія слѣдовали въ древней Церкви «поцѣлуй міра», какъ со стороны епископа, совершившаго приѣмъ въ Церковь, такъ и со стороны всѣхъ вѣрныхъ. Это было свидѣтель-ствомъ о томъ, что въ Церкви родился ея новый членъ, котораго Богъ поставилъ въ священное званіе лаика. Только послѣ этого онъ доу-скался къ участию въ Евхаристическомъ собраніи. Какъ приѣмъ въ Цер-ковь, такъ и возвращеніе кающагося въ общеніе, сопровождалось сви-дѣтельствомъ о томъ, что Богъ черезъ Церковь отпустилъ ему грѣхи, что вслѣдствіе открывало ему доступъ въ Евхаристическое собраніе. Бракъ совершался всегда до Евхаристіи, непосредственно передъ нею, и до-пущеніе сочетавшихся къ Евхаристіи, какъ мужа и жены, было сви-дѣтельствомъ о благодатномъ характерѣ совершившагося таинства.

7. Въ Церкви дѣйствуетъ воля Божія, и въ Церкви нѣтъ дѣй-ствованія безъ откровенія воли Божьей. Церковь совершаетъ приѣмъ новыхъ членовъ, поставляетъ на церковныя служенія, возвращаетъ въ лоно Церкви тѣхъ, кто отпалъ отъ нея, сочетаетъ бракомъ вступающихъ въ брачное сожитіе, но всѣ эти дѣйствования не являются выраженіемъ чело-вѣческой воли. Церковь поставляетъ въ лаики и на другія церковныя служенія не тѣхъ, кто ей удобенъ въ чело-вѣческомъ порядкѣ, но тѣхъ, кто избранъ Богомъ. Если моментъ избранія имѣется въ поставле-ніяхъ, то онъ означаетъ не избраніе въ чело-вѣческомъ смыслѣ, по-добно тому, какъ въ греческихъ государствахъ-городахъ или въ на-шихъ представительныхъ учрежденіяхъ избираются должностныя лица. Въ избраніи Церковь имѣетъ откровенія воли Божьей, она стремится распознать того, кто уже Богомъ предъизбранъ. «И многихъ Богъ по-ставилъ въ Церкви...» (1 Кор. XII, 28). Это писалъ ап. Павелъ, с ко-торымъ Лука сообщаетъ, что онъ поставялъ въ церкви, имѣ основан-ныя, пресвитеровъ. Онъ поставялъ не тѣхъ, кто ему были удобны, но тѣхъ, кого самъ Богъ предъизбралъ, какъ Онъ предъизбралъ самого ап. Павла отъ чрева матери его. Каждому церковному акту предше-ствовало откровеніе воли Божьей, согласно съ которой совершался этотъ актъ. Въ первоначальной Церкви откровеніе воли Божьей дава-

лось черезъ пророка, въ чемъ заключалось его служеніе. Оно совершалось въ церковномъ собраніи, народъ Божій принималъ это откровеніе, какъ истинное, а тѣмъ самымъ давалъ свое согласіе — не въ правовомъ смыслѣ — на совершеніе того или иного церковнаго акта. Когда служеніе пророковъ стало исчезать, пророческая харизма соединена была со служеніемъ епископовъ. Мы знаемъ изъ переписки Кипріана Карфагенскаго, что онъ ничего не дѣлалъ безъ «согласія — *sine consensu* — народа», о чемъ онъ самъ свидѣтельствовалъ. Священнодѣйствию въ таинствѣ, какъ церковному акту, предшествовало откровеніе воли Божьей, въ какой бы оно формѣ ни проявлялось. Только послѣ согласія Церкви совершалось священнодѣйствіе, въ которомъ испрашивались дары для тѣхъ, кто предъизбраны Богомъ и избраны церковью. Этотъ моментъ иногда отсутствовалъ въ древней Церкви или могъ быть невыраженнымъ въ явной формѣ, а въ послѣдующей исторіи это стало обычнымъ явленіемъ, но его отсутствіе восполнялось послѣдующей за священнодѣйствіемъ церковной рецепціей. Однако, не слѣдуетъ на этомъ основаніи преуменьшать значеніе этого момента таинства. Церковные акты, совершенные въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ безъ «согласія» мѣстной церкви вызвали сомнѣнія въ ихъ правильности. Тотъ же Кипріанъ, о которомъ я только что упомянулъ, считалъ необходимымъ оправдываться передъ своею церковью, что онъ въ изгнаніи во время гоненія рукоположилъ нѣкоторыхъ лицъ въ чтецы и иподіаконы. Обращеніе Кипріана къ своей церкви относительно этихъ рукоположеній было въ то же самое время и просьбой о рецепціи совершенныхъ имъ рукоположеній.

8. Такимъ образомъ, таинство включаетъ въ себѣ не одинъ моментъ — священнодѣйствіе, но три: откровеніе воли Божьей въ формѣ согласія Церкви на совершеніе священнодѣйствія, само священнодѣйствіе и, наконецъ, свидѣтельство Церкви о совершившемся въ ней. И первый, и третій моментъ направлены къ центральному — къ священнодѣйствию, т. к. въ немъ происходитъ то, что совершается въ таинствѣ: дарованіе даровъ Духа. Въ литургической жизни мы имѣемъ ограниченное количество актовъ, которые бы включали въ себѣ всѣ три момента. Все ежедневное богослуженіе церкви не имѣетъ этого характера, какъ и не имѣютъ его и тѣ акты, которые можно было бы вслѣдъ за о. С. Булгаковымъ опредѣлить, какъ тайнодѣйствія (*sacramentalia*). Таковы именно тѣ, на которые указываетъ о. С. Б.: освященіе иконъ, креста, храма. Ближе всего по характеру священнодѣйствія приближается къ таинству освященіе крещенской воды, но Церковь не причислила его къ таинствамъ. Во всѣхъ этихъ актахъ испрашиваются благодатныя силы для ихъ освященія, но они заключаютъ въ себѣ только одинъ моментъ священнодѣйствія, не имѣя ни перваго, ни третьяго моментовъ таинства. Что касается монашескаго постриженія, то надо имѣть въ виду, что въ Византіи существовало теченіе, склоняющееся признавать его за таинство. Различное толкованіе монашескаго постриженія не обусловлено было личными вкусами сторонниковъ того или иного взгляда, за нимъ лежало различное пониманіе идеологии монашества. Есть ли монашество особое состояніе въ Церкви, не потому

только, что оно имѣетъ особый образъ, «канонъ» жизни, но потому, что вступленіе въ него сопряжено съ нѣкоторымъ измѣненіемъ природы вступающаго въ него, подобно тому измѣненію, которое происходитъ при приѣмѣ въ Церковь? Мы знаемъ, что монашеское постриженіе разсматривалось иногда, какъ «второе крещеніе», т. е. какъ новое крещеніе въ самой Церкви. Вступившій въ Церковь становится въ ней «новою тварью», вступающій въ монашество также вновь рождается, но не для вступленія въ Церковь, а для вступленія въ особое состояніе въ Церкви. Это есть «ангельскій чинъ» въ Церкви, имѣющей въ ней особое служеніе⁷). Или монашество является состояніемъ покаянія? «Понеже убо монашеское житіе изображаетъ намъ жизнь покаянія (ἐν μετανοίᾳ): то искренне прилѣпляющагося къ оному одобряемъ, и никакой прежній образъ жизни не воспретяствуетъ ему исполнити свое намѣреніе»⁸). «Того ради постановляемъ, да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ и пастырей не низводилъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся (μετανοούτωνъ)»⁹). Кающіеся въ древней Церкви не составляли особаго состоянія, подобно состоянію клира и мірянъ, они не были особымъ чиномъ въ Церкви, а потому и монашество, какъ образъ покаянія, не можетъ также составлять особаго чина. Для меня здѣсь не имѣетъ значенія, какая изъ двухъ идеологій монашества наиболѣе соотвѣтствуетъ его сущности. Я только замѣчу, что первоначальное монашество было далеко и отъ одной, и отъ другой идеологій. Въ началѣ IV-го вѣка никто въ Церкви не рѣшился бы себя поставить на мѣсто кающихся, т. е., согласно тогдашнему пониманію, вывести себя изъ Церкви. Говоря о монашествѣ, какъ образѣ покаянія, соборы не имѣли въ виду покаянія въ его церковномъ значеніи, какъ состоянія внѣ Евхаристическаго общенія, а какъ извѣстное душевное состояніе и какъ нѣкоторую направленность всей жизни вѣрующаго. Если монашеское постриженіе есть «второе крещеніе», то оно естественно является таинствомъ на ряду съ таинствомъ крещенія и священства. Въ этомъ случаѣ въ его священнодѣйствіи преподавались бы особые дары Духа, какъ и въ таинствѣ крещенія, и оно необходимо включало бы въ себѣ рецепцію Церкви, какъ свидѣтельство о дарованіи испрашиваемыхъ даровъ. Какъ состояніе покаянія, монашество является мірянскимъ чиномъ. Въ священнодѣйствіи постриженія Церковь испрашиваетъ благодатные дары на вступающаго въ монашество. Это — благодатное священнодѣйствіе, но не таинство, а потому оно не сопровождается свидѣтельствомъ Церкви, ея рецепціей.

Только то священнодѣйствіе, которое совершается согласно волѣ Божьей, и которое засвидѣтельствовано Церковью, какъ благодатно дѣйствительное, т. е. такое, въ которомъ **ниспосланы Богомъ испрашиваемые Церковью дары Духа**, является таинствомъ. Не священнодѣйствіе, какъ центральный моментъ въ немъ, отличаетъ таинство отъ таинодѣйствій и отъ всего, что происходитъ въ литургической жизни Церкви, а первый и особенно третій моментъ-свидѣтельство Церкви о дарованныхъ дарахъ Духа. Вся жизнь Церкви наполнена Духомъ, и все въ ней совершается Духомъ. Дѣйствія Духа не ограничены таинствами, и не могутъ быть ограничены, т. к. «Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ». Цер-

ковъ всегда и во всемъ молится о благодатныхъ дарахъ Духа. Не только освященіе креста или иконъ, крещенской воды или храма, — сакраментальные акты, но само призываніе имени Божьяго есть тайнодѣйствіе¹⁰). Церковь не ограничиваетъ дѣйствія Духа, не создаетъ въ ней благодатныхъ или не благодатныхъ актовъ, но она выдѣляетъ изъ ряда священнодѣйствій особые акты, изъ благодатныхъ актовъ она выдѣляетъ только нѣсколько благодатныхъ актовъ — на этомъ основана попытка опредѣлить ихъ число, — которые она объявляетъ таинствами. «Sacramenta» совсѣмъ не тождественны съ «sacramentalia». Вводя въ православное богословіе понятіе «sacramentalia» мы нисколько не опредѣляемъ ближе природу таинства, особенно потому, что въ Церкви все сакраментально. Церковь возводитъ священнодѣйствіе въ таинство черезъ свое свидѣтельство, но не въ томъ только смыслѣ, что она разъ навсегда объявила нѣкоторыя священнодѣйствія таинствами. Она каждый разъ, какъ совершается это священнодѣйствіе, свидѣтельствуемъ о немъ, какъ о таинствѣ. Это есть непрекращающаяся дѣятельность Церкви, а слѣдовательно непрекращающееся дѣйствіе Духа въ Церкви, т. к. Церковь въ Духѣ и черезъ Духа свидѣтельствуемъ о дарахъ Духа. Таинства **установлены Церковью, и таинства каждый разъ, какъ они совершаются, устанавливаются ею.**

9. Разсматривая таинства исключительно, какъ священнодѣйствія, школьное богословіе разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ, надъ кѣмъ они совершаются. Да, въ таинствахъ подаются вѣрующему благодатныя силы и помощь для его жизни и дѣйствія въ Церкви. Таинства абсолютно необходимы для спасенія тѣхъ, надъ кѣмъ они совершаются. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, догматическое богословіе невольно ихъ сближаетъ съ остальными священнодѣйствіями, въ которыхъ также подается благодатная помощь и силы вѣрующимъ. Отсюда возникаетъ дилемма, или сблизить таинства съ тайнодѣйствіями, и такимъ образомъ въ значительной степени утратить различіе между ними, или признать, что только въ таинствахъ подаются дары Духа, и тѣмъ самымъ благодатно обѣднить церковную жизнь. Или это дилемма есть дѣйствительная, и тогда изъ нея нѣтъ выхода, или недостаточна точка зрѣнія, съ которой разсматриваются таинства, и тогда поставленной дилеммы не существуетъ.

Таинства являются церковными актами, а потому они должны разсматриваться не только съ точки зрѣнія тѣхъ, надъ кѣмъ они совершаются, но съ точки зрѣнія того, что въ самой Церкви происходитъ. Таинства имѣютъ отношеніе ко всей Церкви, во всей ея полнотѣ, а не только къ отдѣльнымъ вѣрующимъ. Поэтому крайне недостаточно дѣленіе таинствъ на таинства, совершаемыя надъ всѣми вѣрными (крещеніе, муропомазаніе, Евхаристія и въ настоящее время покаяніе), и на тѣ, которыя совершаются только надъ нѣкоторыми (священство, бракъ, елеосвященіе и въ древней церкви покаяніе). Это все тотъ же подходъ къ таинствамъ съ точки зрѣнія тѣхъ, надъ кѣмъ они совершаются. Какъ результатъ этого подхода выступаетъ крайняя индивидуализация таинства. Большинство изъ нихъ разсматривается, какъ индивидуальныя акты, совершаемыя надъ индивидуальными членами Церк-

ви, къ которымъ остальные члены какъ-будто не имѣютъ отношенія. Въ современной практикѣ въ таинствахъ вѣрующій стоитъ передъ Богомъ при посредствѣ священника. Церковь, въ которой совершаются таинства, обычно не знаетъ о нихъ. Больше, чѣмъ показательно, что таинства содержатся у насъ въ «Требникѣ». Они — требы, которыя совершаются священникомъ надъ нѣкоторыми членами, въ отличіе отъ священнодѣйствій, которыя содержатся въ «Служебникѣ» и которыя имѣютъ общественный характеръ. Совершаются ли таинства надъ всѣми или надъ нѣкоторыми, они совершаются въ Церкви, они имѣютъ отношеніе ко всей ея жизни и ко всѣмъ ея членамъ. Когда совершаются таинства, то въ самой Церкви нѣчто совершается, въ церковной жизни что-то происходитъ, что имѣетъ отношеніе ко всей этой жизни. Таинства являются церковными актами, причемъ эти акты имѣютъ исключительное значеніе въ жизни Церкви. Безъ нихъ Церковь не можетъ существовать въ историческомъ бытіи, они необходимы для ея жизни. Въ таинствѣ приѣма въ Церковь (крещеніе и миропомазаніе) совершается приѣмъ новыхъ ея членовъ. Черезъ это таинство и въ немъ въ Церкви рождается новый человекъ, призванный Богомъ къ служенію въ ней. Это — актъ, имѣющій отношеніе ко всей Церкви во всей ея полнотѣ, а не только къ нѣкоторымъ ея членамъ, актъ огромнаго значенія, безъ котораго Церковь не можетъ существовать. Въ таинствѣ хиротоніи въ ней поставляются ея предстоятели. Поставленіе епископа имѣетъ значеніе не только для него самого, не только для той церкви, для которой онъ поставляется, но для всей Церкви, для всѣхъ ея вѣрныхъ. Значеніе этого акта выступаетъ изъ того, что нѣтъ Церкви безъ предстоятеля. Служеніе епископа абсолютно необходимо для бытія церкви. Съ этой точки зрѣнія не имѣетъ значенія, что таинство священства совершается только надъ нѣкоторыми, а крещеніе и миропомазаніе — надъ всѣми. Всѣ эти таинства необходимы для жизни Церкви, они отмѣчаютъ въ ней самой существенные моменты ея бытія. Въ таинствѣ покаянія кающійся вновь возвращается въ лоно Церкви для жизни и дѣйствования въ ней, чего онъ былъ временно лишень. Это не индивидуальный актъ, который касается только кающагося и епископа, онъ имѣетъ отношеніе ко всѣмъ членамъ Церкви. Достаточно напомнить, что споры о приѣмѣ павшихъ въ церковное общеніе потрясли всю Церковь. Таинство брака также имѣетъ отношеніе ко всей Церкви. Въ немъ отмѣчается измѣненіе положенія въ жизни членовъ Церкви, признаваемыхъ ею въ качествѣ мужа и жены.

В силу этого церковнаго значенія таинствъ ихъ благодатная дѣйствительность должна быть **открытой и явленной** для всѣхъ членовъ Церкви. Испрашивая дары Св. Духа въ таинствахъ, Церковь должна **знать**, что эти дары преподаны въ нихъ. Безъ этого знанія таинства перестали бы быть тѣмъ, чѣмъ они должны быть въ Церкви, точнѣе они перестали бы быть въ этомъ смыслѣ таинствами, а стали бы священнодѣйствіями, отмѣчающими особые моменты въ жизни вѣрующаго, но не въ жизни Церкви. Испрашивая въ таинствѣ поставленія благодатные дары, Церковь должна знать, что поставляемый эти дары получилъ. Церковь должна знать, кто можетъ предстоятельствовать въ

церкви, и объ этомъ должны знать всѣ ея вѣрные. Не можетъ быть вопроса или сомнѣнія, получилъ или не получилъ поставленный въ епископа дары Св. Духа. Если дары Духа не преподаны Богомъ, то поставляемый не можетъ совершать своего служенія, къ которому онъ былъ обозначенъ, потому что безъ харизмы предстоятельства онъ не является епископомъ. Само священнодѣйствіе дать этого знанія не можетъ. Благодатные дары, полученные въ таинствѣ хиротоніи, становятся явленными въ церкви черезъ свидѣтельство Церкви, а не черезъ фактъ самого священнодѣйствія. Пріемъ въ Церковь, какъ и таинство поставленія, долженъ быть засвидѣтельствованъ Церковью, т. к. она должна знать, кто являются ея членами. И здѣсь не можетъ быть сомнѣній и колебаній, а должно быть полное знаніе, что дары Духа ниспосланы Богомъ въ таинствѣ пріема въ Церковь. Въ каждомъ таинствѣ черезъ свидѣтельство Церкви происходитъ явленіе въ Церкви и черезъ Церковь благодатныхъ даровъ, испрашиваемыхъ въ таинствахъ.

Явленіе даровъ Духа въ таинствѣ черезъ свидѣтельство Церкви не есть только особенность таинствъ. Каждый церковный актъ основанъ на открывшейся Церкви волѣ Божьей, Церковью принятой и засвидѣтельствованной. Догматическія рѣшенія соборовъ становятся истинною не сами по себѣ, а черезъ принятіе ихъ Церковью. Это принятіе или рецепція постановленій соборовъ является свидѣтельствомъ Церкви объ открывшейся волѣ Божьей и о дѣйствіи Духа. Принимая постановленія соборовъ, Церковь, какъ и въ таинствахъ, свидѣтельствуемъ о дарованіи Богомъ собору благодатныхъ даровъ. Формула «изволися Духу Святому и намъ» подлежитъ рецепціи Церкви. До этой рецепціи постановленія соборовъ остаются только постановленіями его членовъ, а не церковнымъ актомъ. Вотъ почему около догматическихъ постановленій соборовъ шла борьба за ихъ рецепцію. Если въ эту борьбу вносились много человѣческихъ страстей, неизмѣющихся отношенія къ церковной природѣ соборныхъ актовъ, то тѣмъ не менѣе сущность этой борьбы заключалась въ распознаніи воли Божьей. До принятія Церковью соборныхъ рѣшеній безспорной является только вторая часть формулы: «изволися Духу Святому и намъ», и только черезъ рецепцію происходитъ явленіе первой части — явленіе даровъ Духа въ Церкви. Черезъ это явленіе Духа соборныя постановленія становятся церковными актами. Отличіе таинствъ отъ остальныхъ церковныхъ актовъ состоитъ въ томъ, что первыя облекаются въ форму священнодѣйствій. Такимъ образомъ, съ одной стороны таинства по моменту священнодѣйствія, заключающемуся въ нихъ, приближаются къ остальнымъ священнодѣйствіямъ, совершаемымъ въ Церкви, а съ другой стороны они приближаются къ другимъ церковнымъ актамъ въ силу того, что дѣйствія Духа свидѣлуются Церковью. Соборныя постановленія, какъ церковные акты, по своей природѣ очень близки къ таинствамъ, но не являются таинствами, т. к. не облечены въ форму священнодѣйствія. Тайнодѣйствія (*sacramentalia*) не могутъ считаться таинствами, т. к. дары Духа, испрашиваемые въ нихъ, не явлены Церкви черезъ ея свидѣтельство. Поэтому между тайнодѣйствіями и таинствами всегда имѣется граница, которая отдѣляетъ одни отъ другихъ. **Таинства являются**

священнодѣйствіями, совершаемыми согласно волѣ Божьей, въ которыхъ испрашиваемые Церковью дары Духа явлены Церкви черезъ ея свидѣтельство.

Возвращаясь къ вопросу, въ чемъ въ таинствахъ сказывается значительность проявленія сакраментальной власти, присущей Церкви, мы сейчасъ легко усмотримъ, что она не имѣетъ количественнаго характера. Таинства не потому таинства, что черезъ нихъ преподается благодать въ большей степени, чѣмъ въ остальныхъ сакраментальныхъ актахъ и во всѣхъ литургическихъ дѣйствіяхъ Церкви. Обозначая особенно значительные моменты въ жизни вѣрующихъ, надъ которыми они совершаются, таинства одновременно, еще въ большей степени, обозначаютъ наиболѣе значительные моменты въ жизни самой Церкви, безъ которыхъ невозможно эмпирическое бытіе Церкви. Ихъ сакраментальная значительность проявляется въ томъ, что ниспосланные въ нихъ дары Духа явлены всей Церкви. Не дары Духа, преподаваемые въ нихъ, а явленіе въ нихъ этихъ даровъ черезъ Церковь и въ Церкви, выдѣляетъ ихъ по ихъ значительности изъ ряда другихъ сакраментальныхъ актовъ. Естественно, что такихъ моментовъ въ жизни Церкви можетъ быть ограниченное число. Таинства установлены Богомъ въ Церкви, и черезъ Церковь и въ нихъ Богъ благоволилъ являть всей Церкви ниспосылаемые Имъ дары Духа Святаго. Ихъ количество зависитъ не отъ насъ, а отъ воли Божьей. Ихъ столько, сколько надо для жизни Церкви въ историческомъ бытіи. Поэтому наличие нѣкоего опредѣленнаго числа таинствъ не есть «мифъ Тридентскаго собора»¹¹⁾ или не совсѣмъ мифъ. Что касается «семи таинствъ — ни больше, ни меньше», — то это есть недолжное догматизированіе школьнаго ученія. Надо замѣтить, что такого ученія о числѣ таинствъ православная Церковь не содержитъ. Ихъ можетъ быть семь, но ихъ можетъ быть и больше, и меньше.

10. Говоря о разныхъ таинствахъ, я сознательно не указывалъ на два изъ нихъ — елеосвященіе и Евхаристію. Я не рискую ничего утверждать категорическаго о первомъ, т. к. догматическая природа его еще не вполне достаточно опредѣлена. Одно несомнѣнно, что оно выдѣляется среди остальныхъ таинствъ. М. Макарій въ опредѣленіи его природы значительно уклонился отъ имъ принятой для всѣхъ таинствъ формулы. Тогда какъ о всѣхъ таинствахъ онъ говоритъ, что въ нихъ подаются дары Св. Духа, объ елеосвященіи онъ указываетъ, что въ немъ испрашивается благодать Божія. Въ одномъ случаѣ говорится о преподаніи даровъ, а въ другомъ только объ испрашиваніи этихъ даровъ. Это отступленіе въ опредѣленіи таинства елеосвященія вполне понятно. Въ первоначальной церкви имѣлось особое служеніе исцѣленій на основѣ особыхъ даровъ Духа. На это служеніе призывалъ непосредственно самъ Богъ, какъ Онъ призывалъ пророковъ черезъ сообщеніе даровъ Духа. Это служеніе совершалось въ Церкви и для Церкви, но Церковь не испрашивала для этого служенія даровъ Духа. Церковь не могла возобновить этого служенія, чтобы оно продолжалось преемственно, какъ она возобновляла служеніе епископовъ-пресвитеровъ. Дары исцѣленій ниспосылаются Богомъ, какъ и когда Ему угодно, но никакой непрерывности служеній исцѣленія не существовало

и не существуетъ. Церковь молилась и молится объ исцѣленіи болящаго, вѣруя, что «молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь; и, если онъ содѣлалъ грѣхи, простятся ему» (Іак. V, 15). Молитва вѣры не есть знаніе Церкви. О. С. Булгаковъ, пытаясь сгладить это различіе въ опредѣленіи природы таинства елеосвященія отъ остальныхъ таинствъ, указывалъ, что елеосвященіе имѣетъ двѣ стороны, одну обращенную къ исцѣленію болящаго, а другую — къ освобожденію болящаго отъ болѣзни черезъ смерть. Въ силу этого онъ говорилъ, что помазаніе елеемъ болящаго совершается или для его исцѣленія, или для усиленія необходимыхъ силъ для христіанской смерти¹²). Въ этомъ опредѣленіи таинства елеосвященія о. С. Б. значительно приближается къ католическому ученію объ этомъ таинствѣ. Правильно или нѣтъ такого рода ученіе, это вопросъ окончательнаго догматическаго формулированія природы таинства елеосвященія. Нужно замѣтить впрочемъ, что въ молитвахъ послѣдованія елеосвященія говорится только объ исцѣленіи. Отличіе елеосвященія отъ другихъ таинствъ заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ третьяго и перваго момента таинствъ. Молясь объ исцѣленіи болящаго, Церковь не свидѣтельствуеетъ что исцѣляющая благодать ниспослана Богомъ. Придерживаясь даннаго выше опредѣленія таинствъ, я бы сказалъ, что елеосвященіе ближе къ тайнодѣйствию, чѣмъ къ таинству.

Еще больше недоумѣнныхъ вопрошеній заключается въ современномъ ученіи объ Евхаристіи, какъ таинствѣ. Оно включено въ число семи таинствъ, а тѣмъ самымъ какъ-будто поставлено въ одну линію съ прочими таинствами. Конечно, какъ утверждалъ М. Макарій, оно превосходитъ всѣ прочія таинства преизбыткомъ таинственности и непостижимости, и преизбыткомъ любви къ намъ Господа и величіемъ дара, преподаваемаго въ этомъ таинствѣ¹³), но этимъ ли только оно отличается отъ остальныхъ таинствъ? Другими словами, отличается ли оно только количественно — преизбыткомъ, котораго не имѣютъ другія таинства — или имѣется качественное отличіе? Школьное богословіе какъ-будто даже этого вопроса не чувствуетъ. Въ каждомъ таинствѣ преподаются особые дары Духа. Опять же по тому же М. Макарію въ таинствѣ крещенія на вѣрующаго ниспосылаются дары Духа, очищающіе его отъ всякаго грѣха и содѣлывающіе его новымъ человѣкомъ, оправданнымъ и освященнымъ¹⁴); въ таинствѣ муропомазанія крестившемуся сообщаются «благодатныя силы для укрѣпленія и возростанія его духовной жизни»¹⁵); въ покаяніи «пастырь Церкви силою Духа Святаго разрѣшаетъ кающагося и исповѣдующагося отъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ имъ послѣ крещенія»¹⁶); въ таинствѣ елеосвященія на «больного призывается благодать Божія, исцѣляющая немощи душевныя и тѣлесныя»¹⁷); въ таинствѣ брака «сообщается извѣстнымъ лицамъ благодать къ естественному рожденію дѣтей, будущихъ членовъ Церкви»¹⁸); и въ таинствѣ священства «черезъ молитвенное возложеніе рукъ архіерейскихъ на главу избраннаго лица, низводится на это лицо божественная благодать, освящающая и поставляющая его на извѣстную степень церковной іерархіи и потомъ содѣйствующая ему въ прохожденіи его іерархическихъ обязанностей»¹⁹). Что касается Евхаристіи,

то она «есть такое таинство, въ которомъ христіанинъ подѣ видомъ хлѣба и вина, причащается истиннаго тѣла и крови своего Спасителя»²⁰). Даже изъ этихъ опредѣленій — я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ объ ихъ точности — явствуетъ, что природа Евхаристіи гораздо меньше совпадаетъ, чѣмъ природа таинства елеосвященія, съ остальными таинствами. Это отличіе выступаетъ еще яснѣе изъ того, что назначеніе всѣхъ таинствъ есть подготовка къ участию въ Евхаристіи. Всѣ они имѣютъ задачей ввести, по выраженію псевдо-Діонисія, въ «священносовершительную Евхаристію». По отношенію къ Евхаристіи всѣ таинства имѣютъ до нѣкоторой степени инструментальный характеръ. Крещеніе и муропомазаніе, входящія въ составъ таинства приѣма въ Церковь, открываютъ доступъ новому члену народа Божьяго, поставленному въ священное званіе лаика, въ Евхаристическое собраніе. Покаяніе открываетъ возможность отпавшему члену Церкви вновь принять участіе въ Евхаристіи. Священство поставляетъ тѣхъ, кто избранъ Богомъ для предстоятельствванія въ Евхаристическомъ собраніи, а слѣдовательно для совершенія самой Евхаристіи. Черезъ бракъ мужъ и жена въ новомъ своемъ званіи, признанномъ и благословленномъ Церковью, допускаются къ участию въ Евхаристіи. Въ таинствѣ елеосвященія, призывая на болящаго благодать, исцѣляющую его отъ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, Церковь тѣмъ самымъ молится о непрекращеніи его участія въ Евхаристіи. Безъ Евхаристіи всѣ таинства остались бы незаконченными — ихъ цѣль не была бы достигнута.

Въ связи съ этимъ положеніемъ Евхаристіи ставится вопросъ объ ея мѣстѣ среди остальныхъ таинствъ. Особое положеніе Евхаристіи въ церковной жизни невольно выдвигаетъ этотъ вопросъ, но рѣшеніе его, поскольку Евхаристія разсматривается, какъ таинство, остается въ сферѣ количественнаго различія таинствъ между собою по благодати. Несмотря на признаніе М. Макарія, что таинство Евхаристіи превосходитъ всѣ таинства, таинство священства у него фактически превалируетъ надъ остальными таинствами. Современная богословская мысль, опираясь отчасти на мнѣніе нѣкоторыхъ отцовъ Церкви, пошла въ этомъ направленіи дальше М. Макарія: таинство священства выступаетъ, какъ «мать всѣхъ таинствъ», въ томъ числѣ и Евхаристіи. Въ немъ рождаются тѣ, безъ которыхъ нѣтъ таинствъ въ Церкви. Мысль о. С. Булгакова въ этомъ вопросѣ двойна. Съ одной стороны, онъ признаетъ, что Евхаристія «есть таинство таинствъ, центральное таинство Церкви»²¹), т. к. «іерархія есть установленіе прежде всего евхаристическое. И, поскольку самъ Господь установилъ таинство Евхаристіи, постольку и іерархія включена въ ея установленіе, въ качествѣ одного изъ условій»²²). Въ силу такого центрального положенія Евхаристіи скорѣе она, чѣмъ таинство священства, является матерью всѣхъ таинствъ. Съ другой стороны эта богословская аксіома не соответствуетъ фактическому положенію таинства священства. «На практикѣ, писалъ о. С. Б., священство служить основою всѣхъ таинствъ (за исключеніемъ крещенія)»²³). Вѣроятно, довольно случайно высказанная св. Епифаніемъ мысль заворочила церковное сознаніе: «Чинъ епископовъ преимущественно назначенъ для рожденія отцевъ; другой чинъ (пресвитерскій), который не

может рождаѣть отцевъ; онъ рождаетъ Церкви банею пакибытія дѣтей, но не отцевъ или учителей. Какъ же возможно, чтобы пресвитеръ поставлялъ пресвитера, когда для поставленія его не имѣеть никакого права хиротоніи? Или какимъ образомъ пресвитеръ можетъ быть названъ равнымъ епископу?»²⁴). Евхаристія совершается пресвитеромъ и епископомъ, но священство совершается только епископомъ. По отношенію къ епископу пресвитеръ имѣеть нисшую степень священства, а слѣдовательно, практически, по крайней мѣрѣ, по словамъ о. С. Б., таинство священства служить основою Евхаристіи. Нельзя считать удовлетворительнымъ рѣшеніе вопроса о значимости таинствъ Евхаристіи и священства черезъ констатированіе расхожденія между церковной практикой и богословской мыслью. Нужно выбрать либо одно, либо другое. Но должны ли мы сдѣлать этотъ выборъ? Или необходимость этого выбора пронстекаетъ изъ сравненія того, что не подлежитъ сравненію?

11. Евхаристія есть таинство таинствъ, но она не есть центральное таинство въ Церкви, она есть **таинство Церкви**. Для первоначальнаго и древняго сознанія жизнь, дѣятельность и служеніе каждаго члена Церкви находили свое выраженіе черезъ участіе въ Евхаристическомъ собраніи. Въ Евхаристическаго собранія не могло быть ни дѣятельности, ни жизни въ Церкви. Исключеніе изъ него было отлученіемъ отъ Церкви. Тотъ, кто въ немъ не участвуетъ, не живетъ въ Церкви, т. к. Евхаристическое собраніе есть выраженіе Церкви во всей ея полнотѣ. Церковь тамъ, гдѣ имѣется Евхаристическое собраніе, т. к. Церковь тамъ, гдѣ Христосъ, а Христосъ присутствуетъ въ полнотѣ Своего богочеловѣческаго тѣла въ Евхаристіи. Присутствіе Христа въ Евхаристіи есть Его возвращеніе въ Духъ, какъ предвосхищеніе Его второго пришествія. Въ Евхаристіи Онъ приходитъ, приходитъ и придетъ. Прошлое, настоящее и предѣльно-будущее соединяются, образуя полноту Церкви въ ея единствѣ и единствѣ ея въ полнотѣ. О. С. Булгаковъ подходилъ къ такому осознанію Евхаристіи: «Можно сказать, что въ теперешнемъ зонѣ Церковь, какъ тѣло Христово, непосредственно есть то Евхаристическое тѣло, въ которое прелагаются Евхаристическіе дары»²⁵). Эта мысль остается въ его системѣ неразвитой. Въ другомъ мѣстѣ о. С. Б. писалъ: «Все это приводитъ насъ къ тому общему заключенію, что въ основѣ всѣхъ таинствъ и тайнодѣйствій лежитъ таинство всѣхъ таинствъ, все-таинство, которая есть сама Церковь, какъ Богочеловѣчество, сущее Боговоплощеніе и Пятидесятница Духа въ пребывающей силѣ. И это все-таинство, какъ неизмѣющее для себя границъ, совершается въ мірѣ и человѣчествѣ, надъ всѣмъ міромъ и надъ всѣмъ человѣчествомъ и при томъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, ибо ненарушима сила боговоплощенія и неотъемлемо сошествіе въ міръ Духа Святаго»²⁶). Это все-таинство, какъ Церковь, и Церковь, какъ таинство, тождественно ли у о. С. Б. съ Евхаристіей? Повидимому, нѣтъ, т. к. Евхаристическое собраніе имѣеть опредѣленныя эмпирическія границы, а границы Церкви у о. Сергія далеко уходятъ за границы Евхаристическаго собранія. Гдѣ совершаются всѣ остальные таинства, которыя содержатся во все-таинствѣ? «Въ мірѣ и человѣчествѣ, надъ всѣмъ міромъ

и надъ всѣмъ человѣчествомъ?»²⁶). Все-таинство и есть Евхаристія, т. к. Евхаристическое собраніе есть выявленіе Церкви во всей ея полнотѣ. Евхаристія не есть одно изъ таинствъ, не есть даже центральное таинство во все-таинствѣ, но есть сама Церковь. Не все-таинство Церкви содержитъ въ себѣ всѣ таинства, въ томъ числѣ Евхаристію, но Евхаристія содержитъ въ себѣ всѣ таинства. Она есть таинство, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ таинства, которыя установлены въ ней. Она есть величайшее «μυστήριον», «домостроительство тайны, сокрывающейся отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ все Иисусомъ Христомъ» (Еф. III, 9). Таинство священства содержится въ Евхаристіи. т. к. таинство священства содержится въ Церкви. Она не можетъ быть безъ священства, т. к. въ эмпирическомъ порядкѣ не можетъ быть Евхаристическаго собранія безъ предстоятеля, но предстоятель не можетъ быть безъ Евхаристическаго собранія. Таинство священства необходимо для бытія Церкви, т. е. для совершенія Евхаристіи. Евхаристическое собраніе, какъ выявленіе Церкви, включаетъ въ себѣ предстоятеля, т. к. безъ него оно не было бы Евхаристическимъ собраніемъ.

12. Когда Евхаристическая эклезіология была отгѣснена ученіемъ объ универсальной церкви, Евхаристическое собраніе перестало выявлять каеволическую полноту Церкви. Въ мѣстной церкви появилось нѣсколько Евхаристическихъ собраній, а сама мѣстная церковь стала лишь частью универсальной Церкви. Евхаристія, совершаемая въ мѣстной церкви, перестаетъ быть таинствомъ Церкви, а становится таинствомъ въ Церкви. Въ порядкѣ идей объ универсальной церкви такого рода измѣненія пониманія Евхаристіи является неизбѣжнымъ. Въ области эклезіологии часть никогда не можетъ замѣнить цѣлаго²⁷), а потому Евхаристическое собраніе мѣстной церкви, какъ части вселенской церкви, не есть Церковь. Отсюда происходитъ разрывъ между таинствомъ Церкви и Евхаристіей. Последняя не тождественна съ первымъ, а входитъ въ первое, какъ особое таинство. Какъ все-таинство, Церковь содержитъ въ себѣ всѣ таинства, а въ томъ числѣ и Евхаристію, какъ центральное таинство въ Церкви. Въ этой точкѣ ученія о таинствахъ с. С. Б. почти совпадаетъ со школьнымъ ученіемъ, которое поставило Евхаристію въ одну линію съ остальными таинствами.

Пониманіе Евхаристіи, какъ таинства, не могло не повліять на общее ученіе о таинствахъ. Какъ таинство Церкви, Евхаристія заключаетъ въ себѣ только одно священнодѣйствіе, не нуждаясь ни въ первомъ, ни въ третьемъ моментѣ таинствъ. Евхаристія не есть церковный актъ, происходящій въ Церкви. Какъ выраженіе всей полноты жизни Церкви, какъ сама Церковь, Евхаристія не имѣетъ нужды въ свидѣтельствѣ Церкви. «Есть другой, свидѣтельствующій о Мнѣ; и Я знаю, что истинно то свидѣтельство, которымъ Онъ свидѣтельствуешь о Мнѣ» (Іо. V, 32). По аналогіи съ Евхаристіей моментъ священнодѣйствія и въ другихъ таинствахъ начинаетъ заслонять другіе ихъ моменты. Этому способствуетъ то обстоятельство, что изъ церковной жизни въ силу устанавливающагося ея устройства постепенно исчезаетъ рецепція Церкви. Въ первоначальной и древней церкви рецепція мѣстной церкви выявляла рецепцію Церкви, т. к. каждая мѣстная церковь обладала всей

каѳолической полнотой. Когда единство и полнота Церкви была перенесена на универсальную церковь, рецепція мѣстныхъ церквей потеряла свое значеніе. Она сохраняется еще нѣкоторое время только по отношенію къ соборнымъ постановленіямъ, но принимаетъ правовой характеръ, вмѣсто прежняго благодатнаго. Современное церковное устройство исключаетъ рецепцію. Въ нашей церковной жизни нѣтъ мѣста для свидѣтельства Церкви. Естественно, что и таинства теряютъ тѣ моменты, которые связаны со свидѣтельствомъ Церкви, и на первый планъ выдвигается моментъ священнодѣйствія. Въ силу этого происходитъ невольный сдвигъ въ сторону ученія о таинствахъ католической церкви. Правовая дѣйствительность заслоняетъ благодатную. Однако, исчезнувшая съ поверхности церковной жизни рецепція продолжаетъ сохраняться въ ея глубинахъ. Она молчаливо сопровождаетъ каждое таинство. Явленіе даровъ Духа въ Церкви сохраняется сегодня, какъ и вчера, и сохранится во вѣки, пока возносится Евхаристическая жертва. «День Господень» не только въ грядущемъ, но и въ настоящемъ...

Я бы хотѣлъ закончить мой очеркъ о таинствахъ указаніемъ, что я не имѣлъ никакой полемической задачи, что, однако, не исключаетъ критики, какъ неотъемлемаго права богословской мысли. М. Макарій сдѣлалъ для своего времени все, что онъ могъ. Не его вина, какъ и не наша заслуга, что мы сейчасъ больше знаемъ. Что касается моихъ расхожденій съ ученіемъ о. Сергія Булгакова, то эти расхожденія законны и необходимы. Онъ началъ, а мы продолжаемъ. Чѣмъ больше мы движемся по одной съ нимъ дорогѣ, тѣмъ больше мы замѣчаемъ то, что не было видно ему. Если бы онъ еще жилъ съ нами, онъ, конечно, больше бы замѣтилъ, чѣмъ мы. Какъ бы мы ни относились къ системѣ о. Сергія во всей ея полнотѣ, врядъ ли мы сможемъ уйти съ пути, намѣченнаго имъ — проникновенія въ глубины церковной жизни и возвращенія къ истокамъ церковнаго преданія. Въ этомъ онъ останется нашимъ вѣрнымъ спутникомъ. При жизни онъ не требовалъ безоговорочнаго признанія его ученія, а потому послѣ его смерти критика его системы не можетъ омрачить его свѣтлый образъ. Больше мы не можемъ ограничиваться только поверхностью нашей церковной жизни и, исходя изъ нея, строить наше ученіе, но возвращеніе къ истокамъ преданія не есть скачекъ назадъ черезъ всю исторію церкви. Наша церковная жизнь заключаетъ въ себѣ многое, и въ ней мы ищемъ то, что соединяетъ ее съ первоначаломъ, чтобы среди разныхъ девиаций церковной жизни не заблудиться въ тѣхъ потемкахъ, которыя наступили въ наше время.

Мой очеркъ не есть полемика съ о. Сергіемъ, а дань его жизни и его дѣлу, философа, богослова и вѣрнаго сына Церкви. Я писалъ эти строки съ чувствомъ не только глубокаго уваженія, но и съ чувствомъ подлинной благодарности за все то, что онъ далъ лично мнѣ.

2.XII.1949.

Профессоръ прот. Н. Афанасьевъ.

ПРИМЪЧАНІЯ:

- 1) М. Макарій. Православно-догматическое богословіе, т. II, СПб. 1895 г., стр. 313.
- 2) Тамъ же, стр. 314.
- 3) S. Boulgakoff. L'Orthodoxie. Paris 1932, p. 156.
- 4) Моя рѣчь «Власть любви», произнесенная на годовичномъ засѣданіи Богословскаго Института 27-го марта 1949 г.
- 5) L'Orthodoxie, p. 157.
- 6) О дѣйствительности таинства крещенія см. мою статью «Границы Церкви» въ «Православной Мысли», № VII.
- 7) Проф. Архим. К. Керпъ. «Ангелы, иночество, человѣчество». Парижъ. 1942 г.
- 8) 43-е правило Трулльскаго собора.
- 9) 2-е правило Софійскаго Константинопольскаго собора 879 г.
- 10) S. Boulgakoff. L'Orthodoxie, p. 162.
- 11) О. Сергій Булгаковъ. Невѣста Агнца. Парижъ, 1945 г., стр. 312-313.
- (Л. Зандеръ. Богъ и міръ, т. II, стр. 298-299).
- 12) S. Boulgakoff. L'Orthodoxie, p. 162.
- 13) М. Макарій. Православно-догматическое богословіе. Т. II. СПб. 1895 г., стр. 367-368.
- 14) Тамъ же, стр. 317.
- 15) Тамъ же, стр. 346.
- 16) Тамъ же, стр. 425.
- 17) Тамъ же, стр. 464.
- 18) Тамъ же, стр. 475-476.
- 19) Тамъ же, стр. 491.
- 20) Тамъ же, стр. 367.
- 21) «Невѣста Агнца», стр. 309 (Л. Зандеръ. Богъ и міръ, т. II, стр. 304).
- 22) «Иерархія и таинства». «Путь», 1935 г. № 49, стр. 33.
- 23) L'Orthodoxie, p. 158.
- 24) Eriphan. Naer. LXXV. Цитирую по М. Макарію, т. II, стр. 226.
- 25) «The Wisdom of God». New York, 1937, p. 206 (Цитирую по Л. Зандеръ. «Богъ и міръ». т. II, стр. 304).
- 26) «Невѣста Агнца», стр. 296-297 (Л. Зандеръ. «Богъ и міръ», т. II, стр. 300).
- 27) «Отдѣльныя помѣстные церкви отнюдь не являются отдѣльными — большими или меньшими частями Церкви — на манеръ провинцій или частей государствъ. Каждая изъ нихъ — безъ различія — есть Церковь, отождествляется съ Церковью, являетъ въ себѣ всю Церковь, какъ *pars pro toto* (О. С. Булгаковъ. One holy, catholic and apostolic Church. Цитирую по Л. Зандеръ. Богъ и міръ, т. II, стр. 291). Если даже допустить, что это правильно по отношенію къ автокефальнымъ церквамъ, то правильно ли оно по отношенію къ каждой отдѣльной церкви? Есть ли она «*pars pro toto*» автокефальной церкви, или Церкви вселенской?